

01. АПР 1992

Уважаемый товарищ В. Семенченко!

На днях у меня в семье была небольшая па-
 мика - почальон принес под расписку правитель-
 ственное письмо. Конечно, мы все обалдели от та-
 кой неожиданности и безмерной радости. Спасибо
 за то, что в суматохе повседневных будней и
 масштабных государственных дел вы смогли возмож-
 ным образом доложить Борису Николаевичу мой рассказ,
 да еще и письменно мне ответить. Ваше сооб-
 щение, что Ахобадзе жив и живет в Москве было
 для меня неожиданным. Я считал, что он уже умер
 (ведь он с 1917 г. родился), а если и жив, то
 живет в Грузии. Через "Лиси" я узнал его дома-
 шний телефон и с замiranьем сердца позвонил.
 Ведь мы с ним расстались 50 лет тому назад.
 Радости нашей не было грани - еще раз огромное
 Вам спасибо!

А сейчас, я кажется совсем обмякел и обра-
 щаюсь еще с одной просьбой. Борису Николаевичу
 сейчас очень трудно, многое не ладится. У него воз-
 можны стрессы и его надо от них как-то защищать.
 так вот, когда он будет в плохом настроении -
 попробуйте дать ему прочитать, для передышки,
 рассказ "несостоявшийся лауреат районного мас-
 штаба" (прилагается). беру на себя смелость ска-
 зать, что он повеселеет т.к. это юмористический рас-
 сказ, и он очень понравится такому знатоку юмора,
 как Ю. В. Микучину. В другом рассказе есть

*В архив
 к т. Микучину
 прилагаю
 А. В. Микучину
 15.4.92*

эпизод, когда я играл в волейбол с Ю.А. Захарчи-
ными вскоре после его исторического полета в космос.
Играли мы в санатории "Созв." По санаторий вы-
сокого уровня и очень может быть, что Борис Ни-
колаевич в нем неоднократно ездил. Если это
так, то он наверняка сам играл на той же площа-
дке.

По-моему я совершаю бесстыдность, vio-
рично обращаясь в такую высокую личность. Но
я обещаю, что это последний раз т.к. мне можно
нарваться и на неприятность. Единственное что мне
оправдывает перед самим собой - это мысль, что проща
рассказ, Борис Николаевич повеселеет и ему станет
легче на душе. (особенно после разговора с Кравчуком)

Виктор Федорович Соловьев.

119146, Москва, ул. 2^я Фрунзенская 9, кв. 6.

Тел. 242-59-36.

25.3.92.

P.S. Если Вы мне ответите, я буду безмерно
счастлив. Также если Вы напишите:

"Рассказ прочел, Сущее дерьмо. Брось
в корзину". Мне станет сразу легче на
душе и я успокоюсь.

В.С.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЛАУРЕАТ РАЙОННОГО МАСШТАБА

В. СОЛОВЬЕВ.

Произошло это в 1937 году, когда я учился в седьмом классе 149-й школы Ленинградского района столицы. Школа эта существует по сей день. Мы, ее выпускники образца 1940 года, до сих пор верны школьному товариществу и ежегодно собираемся, вспоминая бывшее.

Место для встречи, по нашему поручению, организует Сема Рогинский. Обычно это бывает ресторан при гостинице «Спорт». (Семен по роду службы имеет к этой гостинице прямое отношение). Делает он это охотно, хотя в первое время испытывал определенные трудности: нас было много, а посадочных мест мало. С годами, однако, ему становится все легче. Сейчас нам всем уже по 69 лет и не исключено, что скоро Семе станет совсем легко и он вообще останется без общественного поручения.

Ну, а теперь по существу дела.

Однажды на уроке русского языка наша учительница Анна Федоровна Сазонова попросила нас написать сочинение. Разрешалось писать на любую тему, но с обязательным условием: в сочинении должно быть не более двух страниц текста и не менее двадцати деепричастных оборотов. Не знаю как другие ребята, а я крупно задумался. Во-первых, где найти столько деепричастий, да еще умудриться втиснуть их в две школьные странички. Во-вторых, это все-таки должно было быть классное сочинение, а не набор отдельных фраз. А раз так, значит обязательно требовался хоть какой-нибудь сюжет. Без сюжета, сами понимаете, откуда взяться деепричастиям.

Между тем отсчет контрольного времени начался, стрелки часов уверенно поползли по циферблату, а я сидел в каком-то оцепенении и безучастно смотрел в окно. Анна Федоровна уже несколько раз останавливала на мне свой строгий взгляд и наконец спросила, ясно ли мне задание. Я ответил, что задание, в принципе, ясно, но нельзя ли поубавить количество деепричастных оборотов, так как для двух страниц текста их слишком много. В ответ последовал решительный отказ с небольшим назиданием, в том числе, что цифра 20 определена государственным учреждением, то есть РОНО, и поэтому сокращению не подлежит.

Делать было нечего. Планы государственных учреждений тогда изменять было небезопасно, особенно в сторону сокращения. В

те годы планы могли только перевыполняться.

Итак, время шло, вокруг дружно скрипели перья, а я все сидел и мучительно искал ответ на два вопроса: что делать и с чего начать? Было ясно, что начинать придется с поиска сюжета, который упорно не лез мне в голову. Естественно, на горизонте не появлялись и деепричастные обороты.

В таком оцепенении внимание мое переключилось на окно, откуда доносились крики ребят и гулкие удары по мячу. Я понял, что в 7 «г» опять занемог учитель физики и ребята гоняют в футбол.

Здесь я должен заметить, что футбол — это моя страсть. Особенно окрепла она после того, как Валоу Савицкого, Лешу Петрова, Сему Рогинского, Володю Тишкина и меня приняли в юношескую команду московского Динамо. Нам выдали новенькую форму и официальный документ, в виде небольшой голубой книжечки с буквой «Д» на лицевой стороне. Это была волшебная книжечка! Мы ею очень гордились и постоянно всем показывали.

Не любила этот документ только наша строгая учительница Анна Федоровна. Она футбол вообще не любила. К тому же в школу частенько стали приходиться официальные просьбы из городского совета «Динамо» отпустить нас то на очередную игру, то на тренировку, то на репетицию культурного парада.

Так под стук мяча постепенно начала вырисовываться тема сочинения. Конечно, она была связана с футболом. Я начал усиленно развивать свою мысль дальше, вспоминать случаи из жизни, связанные с футболом. Например, о том, как мы из Сокола, где жили, часто ездили на стадион «Динамо» в дни футбольных матчей. С каким трудом нам приходилось иногда штурмовать трамвай или троллейбус, чтобы не опоздать.

В те далекие годы, особенно когда еще не было метро, попасть на троллейбус в день матча было почти невозможно. Я даже однажды прибыл на стадион без тапочки и трех пуговиц. Какие это были далекие, но счастливые годы!

Между тем времени, отведенного на сочинение, оставалось все меньше, но теперь это меня уже не беспокоило. Сюжет был найден! Остальное было делом техники, так

предстательной железы. Практически у всех принимающих его больных возникает запор.

С целью усиления сосудистого эффекта к но-шпа присоединили никотиновую кислоту. Полученный препарат никощпан стал эффективным и избирательным средством для расширения сосудов мозга и конечностей.

Третий синтетический спазмолитик — тоже венгерский препарат галидор. Никакого отношения к строению папаверина его молекула не имеет — по своей конструкции она ближе к известным нейротропным средствам. Препарат весьма активен. При ишемической болезни сердца начальных степеней его выгодно применять на фоне брадикардии (замедленной частоты сердечных сокращений). Показана эффективность галидора при желчекаменной болезни. К сожалению, препарат не лишен побочных эффектов. У некоторых людей после его приема появляется тошнота, слабость. Не рекомендуется его сочетать с мочегонными, выводящими калий и с успокаивающими средствами. Отпускается строго по рецептам.

Также принципиально новое строение имеет последний из синтезированных спазмолитиков — советский препарат феникаберан. У него сильнее выражено влияние на желудочно-кишечный тракт, желчные и мочевыводящие пути. Препарат противопоказан при сахарном диабете, беременности, заболеваниях почек и гипертонической болезни. Наличие многих ограничений определяет его отпуск по рецептам.

Менее активные, но зато безопасные, а потому до-

ступные без рецепта для всех страдающих от спастических болей — это препараты растительного происхождения, полученные в последние годы. Они более избирательны. «Ависан» получают из плодов амми зубной. Препарат оказывает избирательное расслабляющее действие на мускулатуру мочеточников. Применяется при мочекаменной болезни. Препарат «Датискан» получен из растения датиска коноплевая. Используется преимущественно при спазмах желудочно-кишечного тракта. «Танацехол» — препарат из цветков пижмы. Принимается по одной таблетке после еды при спазмах желчевыводящих путей.

Находит применение и давно известный растительный алкалоид спазмолитик теобромин, получаемый из какао. Вещество это не без недостатков: раздражает желудок, плохо всасывается, вызывает хоть и слабое, но отчетливое возбуждение нервной системы да еще обладает мочегонным действием. В чистом виде практически не применяется, а вот комбинированный препарат теодибаверин (теобромин + дибазол + папаверин) оказывает во многих случаях более выраженное действие, чем все эти отдельные препараты (особенно у больных с замедленными и ослабленными сердечными сокращениями). Продается без рецепта, но требует индивидуального подбора.

Если имеется потребность в устранении колик и спазмов, а ни одного из названных препаратов под руками нет, следует вспомнить о том, что, по существу, для этой цели может быть использован любой миотропный спазмолитик, предлагаемый для устране-

ния спазмов сосудов сердца и мозга. Среди препаратов этого типа король — нитроглицерин. К сожалению, его эффект не просто короток, но эфемерен. Поэтому необходимо использовать нитроглицерин продленного действия: нитронг, сустак и тринитролонг, либо препараты других нитратов эринит и нитросорбит.

Люди со здоровой сердечно-сосудистой системой при внезапном приступе колик могут, не боясь осложнений, и с пользой для себя применять и другие препараты этой же группы: дипиридамол (курантил), финоптин (верапамил), циннаризин (стугерон), кавинтон (винпоцетин), ксантинола никотинат (компламин) и др.

Если вас мучают несильные хронические боли, вызванные спазмами того или иного органа, попробуйте использовать настои и отвары упомянутых в начале статьи растений.

На этом можно было бы закончить. Но читатель должен знать, что и при спазмах, вызванных наличием камня или воспалением, и при спазмах в случае вегетоневроза могут помочь оставленные нами без рассмотрения нейротропные средства. Особой популярностью не без оснований пользуются лекарства, включающие в свой состав и те, и другие спазмолитики. Среди них наиболее известны темпалгин, баралгин (триган, максигам) и спазмалгон. Но помните, поскольку они содержат болеутоляющее анальгин, их нельзя применять против болей в животе без указания врача, особенно когда причина болей не установлена.

как по сочинениям я считался в классе признанным лидером, почти писателем.

Мое перо стремительно забегало по бумаге, и его скрип мощно влился в общую гамму подобных звуков. Я начал творить, Анна Федоровна успокоилась. Когда на меня находит вдохновение, я пишу очень быстро. До звонка оставалось еще около 15 минут, а мое сочинение уже лежало у учительницы на столе. Мне удалось опередить всех не только из-за скорости письма, но и потому, что я решил плюнуть на все деепричастные обороты и писать так, как фразы складывались в голове. По закону больших чисел эти обороты должны были сами угодить в текст сочинения.

Дня через три Анна Федоровна принесла тетради и объявила отметки. У нее было обыкновение складывать тетради в зависимости от качества оценок. Сначала оглашались фамилии тех, кто получил пятерку, затем четверку и т.д. Мы этот порядок знали и поэтому всегда таращили глаза, чтобы по известным каждому отличиям своей тетрадки определить ее место в общей стопке. Первую пятерку получил мой друг Валя Савицкий. Вторую - Галя Любимова, а третью пятерку - неожиданно для всех, в том числе и для себя самого - Володя Тишкин. Вообще то Тишкин учился средне. Наверное, он в своем сочинении по количеству деепричастных оборотов перевыполнил указания РОНО. Я упоминал уже о том, что в те годы перевыполнение планов всячески поощрялось. В газетах, журналах постоянно присутствовали призывы обязательно что-нибудь перевыполнить. Перевыполнялось все, начиная от сталинских пятилеток, до массового вступления в Осоавиахим. Должно быть и Тишкин попал в эту струю. Четвертую и последнюю пятерку получила моя тайная любовь Наташа Стахевич. Отличные отметки кончились. Как уже поняли читатели меня среди отличников не было. Не оказался я и в обойме четверочников. Дело принимало нехороший оборот. Остались тройки и двойки.

За сочинения я обычно получал только отличные оценки. Эта стабильность требует некоторого объяснения. Дело в том, что на «отлично» я начал писать нечестным способом. Произошло это после того, как я прочел «Таинственный остров» Жюль Верна. Там есть очень красивая заключительная фраза. Дословно ее не помню, но содержание такое: от взорвавшегося острова на безбрежной равнине океана остается лишь одинокая скала, как вечный памятник человеку, который назвал себя капитаном Немо.

Звучала эта фраза очень торжественно, возвышенно и мне очень нравилась. Я решил использовать ее звучание в своих корыстных целях, проведя предварительно небольшую хирургическую операцию. Мо-

ре убрал, а вместо одинокой скалы вставил бесклассовое коммунистическое общество во главе с товарищем И. В. Сталиным. Вот текст этого шедевра: 186

«Не далеко уже время, когда усилиями всего советского народа будет построено величественное здание бесклассового коммунистического общества, которое будет гордо стоять и сиять, как скала, как памятник человеку, который назвал себя Сталин».

С той поры этой фразой я стал финишировать все свои сочинения, независимо от темы. Я лепил ее и уместно, и неуместно. Пятерки были гарантированы в любых случаях — памятник действовал безотказно. Иначе и не могло быть. Судите сами. Разве можно было в 1937 году после такого текста и такой фамилии ставить двойку, тройку или даже четверку? Так дальше все и поехало: сияющее здание коммунизма — товарищ Сталин — пятерка. Длился этот плагиат довольно долго. Мои постыдные пятерки никто не решался брать под сомнение, включая Анну Федоровну. Больше того, на каком-то этапе мне вдруг стали ставить отличные отметки даже без моей знаменитой концовки.

Я не мог понять этой загадки. Видимо, постоянные, хотя и нечестные, пятерки выработали и затем укрепили в моем сознании некую неосязаемую субстанцию, связанную с отличными результатами. В дальнейшем эта субстанция постепенно окрепла, набрала нужную потенцию, а затем, отбросив ненужный ей теперь криминальный допинг, стала существовать в моем сознании самостоятельно, а от меня передавалась учителям. Могло это произойти именно так, или были какие-то другие обстоятельства — не знаю. Это уже тема для Кашпировского. В общем, концовка стала мне больше не нужна. Я стал законным отличником.

Между тем оглашение отметок продолжалось, когда без меня кончались даже тройки, я перестал понимать, что происходит. Неужели признанному лидеру сочинений уготована двойка?

Тетрадей на столе больше не было, и возник вопрос — где же я нахожусь? А находился я, оказывается, в портфеле. Анна Федоровна, не торопясь и даже как-то торжественно, достала из него тетрадку и сказала, что одно сочинение она решила прочесть нам вслух. Это было мое! Я узнал свою тетрадку с буквой «Д» на обложке. Чтение началось, и какое чтение! Отработанная дикция, интонации, паузы — я не узнавал свое собственное сочинение. Видимо, текст очень понравился самой Анне Федоровне, она читала его страстно, с вдохновением. В этот момент она была не учительница средней школы — она была актриса, она была Эммануил Каминка.

Анна Федоровна читала, а мы, разинув рты, молча слушали. Краем глаза я заметил, как Наташка Стахевич — моя безответная любовь — пару раз выстрелила по моей парте глазами. Рейтинг автора повышался. Сочинение называлось «Случай на троллейбусной остановке». В нем рассказывалось, как в день очень важного футбольного матча, на троллейбусной остановке скопилось огромная толпа болельщиков, спешивших на стадион. Машина опаздывала, болельщики тоже. Когда, наконец, троллейбус подошел, начался его штурм. Яростный, неудержимый, безоглядный. Обладатели билетов несмотря на травмы, ушибы и оторванные пуговицы шли вперед и только вперед. Всех пассажиров троллейбус вместить не мог. Возникали конфликты, неприличные диалоги и комические сценки.

А концовку я приведу полностью, я ее помню до сих пор, как ту скалу в океане. «Когда переполненный троллейбус, наконец, уехал, на остановке стало как-то необыкновенно спокойно и тихо. Ничто не напоминало о небольшом конфликте, который только что произошел между машиной и поклонниками московского «Динамо». Впрочем, кое о чем догадаться все-таки было можно: на земле валялось несколько пуговиц, один ботинок 45 размера, хлястик от габардинового демисезонного пальто и карточка члена Добровольного общества спасения на водах».

Анна Федоровна кончила читать, медленно подошла и положила тетрадь с буквой «Д» мне на парту. Ученики еще по инерции сидели тихо, и в этой тишине как-то особенно четко и ясно прозвучали ее слова: «За это сочинение я поставила двойку». Я был ошеломлен, ребята тоже.

Анна Федоровна вернулась на свое место и сказала: «Витя, ты написал прекрасное сочинение, и я посылаю его на районный конкурс». От таких поворотов я вообще уже перестал что-либо понимать. Все вдруг сильно зашумели, начали выяснять причину двойки, просили ее исправить на пятерку и т.п., но все было бесполезно. Надо знать Анну Федоровну! Если она это решила, уговаривать ее бесполезно. Все равно что уговаривать судью на поле отменить одиннадцатиметровый.

Выяснилось, что закон больших чисел не сработал, и двойка мне поставлена за невыполнение плана РОНО по деепричастным оборотам. Тем не менее, отношение ко мне в классе изменилось в лучшую сторону. Наташа Стахевич стала приглашать меня к себе домой слушать пластинки Вертинского. Я был счастлив и ожидал славы. Но время шло, а никаких сообщений о результатах конкурса не поступало. Анна Федоровна тоже молчала. Приглашения на Вертинского прекратились. Наконец пришло

сообщение из РОНО, что первое место присудили какому-то Скамейкину из соседней школы. Я понял, что писатель из меня не получился, и решил переквалифицироваться в изобретатели. *Удумал*

Для начала я решил изобрести гранату, чтобы взорвать РОНО с его деепричастиями и контрольными цифрами. По неопытности я мастерила эту гранату так долго, что она мне стала надоедать, и я ей, видимо, тоже. Кончилось тем, что вместо РОНО она взорвалась у меня в руках. Заряд был слабый, дело ограничилось тем, что у меня на левой руке стало меньше пальцев. Недаром говорят: Бог шельму метит.

Спустя много лет мне все-таки удалось изобрести кое-что... Правда, события развивались тогда более драматически.

Шел 1942 год. В одной из газет Уральского военного округа появилась статья. Вот краткая выписка из нее.

«Талантливый рационализатор не отступал от мысли изобрести ручную гранату. Здраво осмыслив свою неудачу в детстве, он упорно совершенствовал свое первое изобретение. И вот результат: на выставке, проходившей в окружном Доме Красной Армии, внимание посетителей привлекла ручная граната. Ее автором был воентехник 2 ранга т. Соловьев В. Ф. Это изобретение удостоено денежной премии...»

Вскоре после появления упомянутой статьи, да еще с моей фотографией, в полк, где я служил, пришла телеграмма из Москвы с вызовом меня к командующему внутренними войсками. В телеграмме оговаривалось, что мое изобретение должно быть при мне.

Конечно, я сразу же ошалел от такой неожиданности. Шутка ли — телеграмма из Москвы в такое захолустье, да еще из штаба войск, минуя все инстанции!

Мне стали давать всевозможные советы и наставления, как вести себя в Москве. Командир полка майор Лошманов сам пришел в оружейную мастерскую (я был начальником этой мастерской), ознакомился с гранатой и пожелал: «Ни пуха, ни пера!» При этом пошутил насчет того, чтобы граната не взорвалась у меня где-нибудь в дороге.

В Москве меня принял начальник Управления внутренних войск генерал Любый. Мы немного побеседовали. Он ознакомился с гранатой, потом кому-то позвонил и сказал, что со мной хочет поговорить заместитель Наркома т. Аполлонов, к которому мы сейчас и поедем.

На Кузнецком мосту, у бюро пропусков, генерал высадил меня из машины, сказал, чтобы я получил пропуск и явился в здание Наркомата государственной безопасности. Номер комнаты будет указан в пропуске.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

В. СОЛОВЬЕВ.

В 1948 году я готовился защищать дипломную работу в одной из военных академий на тему, связанную с проблемой доставки военных грузов соединениям, действующим в окружении. Я полагал, что основным способом решения такой проблемы было бы сбрасывание грузов с самолетов на парашютах. Этому учили нас на лекциях и в процессе шгабных игр. Так вначале я и написал в своей дипломной работе. Консультантом-руководителем мне был назначен майор Фрейдин — опытный, но строгий и придирчивый педагог. Как правило, на государственных экзаменах его подопечные получали только отличные оценок.

Черновик моей дипломной работы ему явно не понравился. «Максимальная оценка, на которую ты можешь рассчитывать, в лучшем случае «четверка», — сказал он. Для меня это означало прощание с надеждой на золотую медаль, которую я мог получить по окончании академии. Средний балл за все семестры у меня был 4,75. Если при таком балле сдать выпускные экзамены на отлично и на отлично защитить дипломную работу, то при выпуске полагается золотая медаль. У меня появлялись шансы на «золото», так как я был уверен, что оба экзамена (основы марксизма-ленинизма и иностранный язык) сдам на отлично. Все решала дипломная работа. Поэтому замечание Фрейдина о грядущей четверке

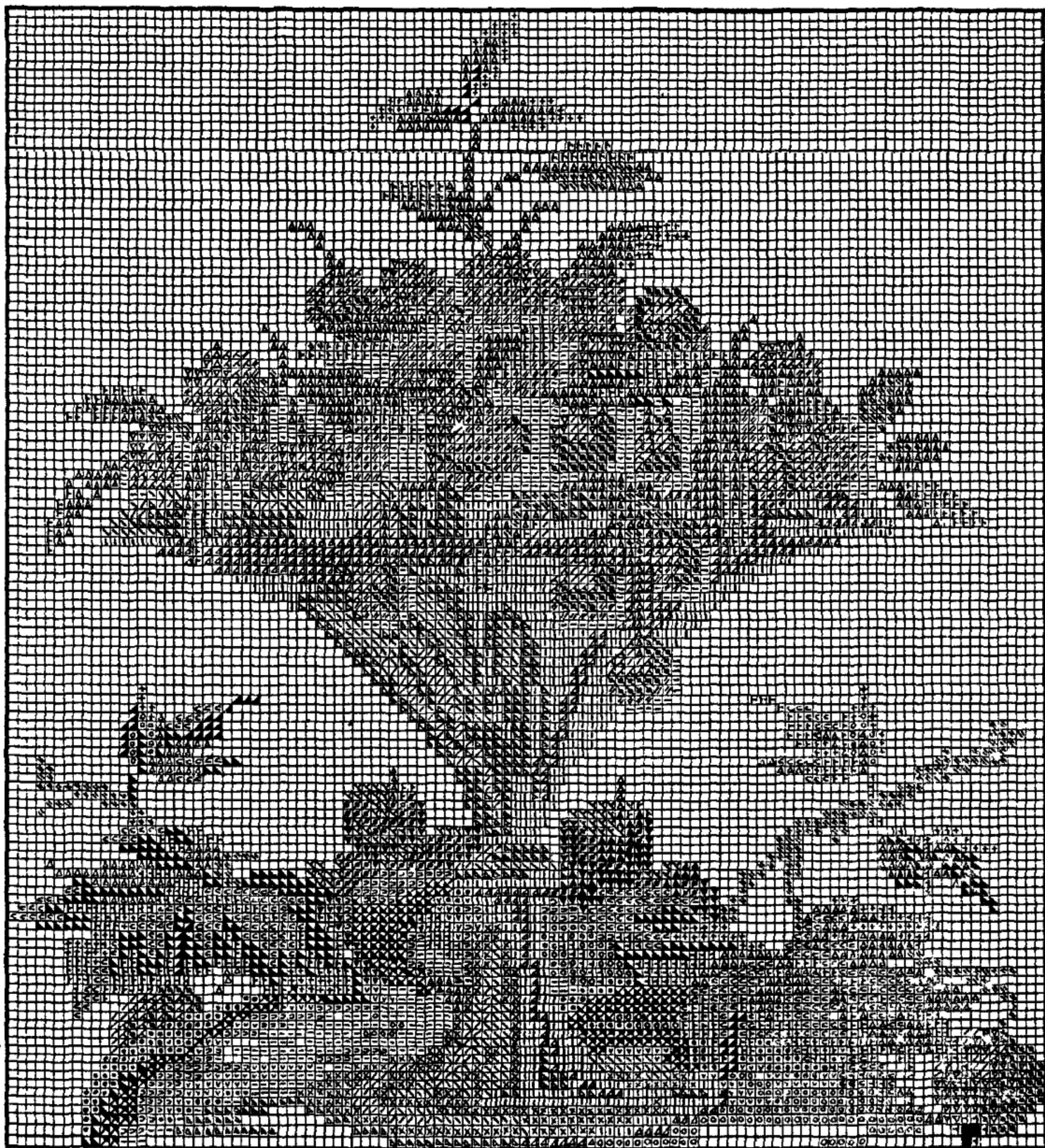
или даже тройке меня озадачило. Я и сам понимал, что для гарантированной отличной оценки в дипломной работе должна присутствовать какая-то новинка, умная идея или что-то в этом роде. Но время шло, а идеи не приходили. Я не мог сообразить, что нового можно привнести в проблему снабжения окруженного соединения иначе, чем сбрасывать ему грузы с самолетов на парашютах. Именно так немецкое верховное командование пыталось помочь своей окруженной группировке под Сталинградом. Конечно, этот способ имел недостатки, был ненадежен и общеизвестен. На это и указал консультант, раскритиковав меня и обвинив к тому же в несерьезном отношении к государственным экзаменам. «Поломай голову, помучайся, придумай что-нибудь оригинальное, такое, что еще не применялось», — добавил он, уходя. Я обиделся, вспыл и сказал ему вдогонку, что в таком случае оригинальным будет сбрасывать грузы с самолетов вообще без парашютов. В дверях он оглянулся, секунду помедлил, сказал: «А почему бы и нет?» — и ушел. Вначале я воспринял его слова как насмешку и решил при следующей встрече в отместку рассказать ему не то анекдот, не то бль про одного капризного купца, которому почему-то не понравилось, как плотник покрыл черепицей крышу его нового дома. Он потребовал ее разобрать и вновь покрыть каким-нибудь новым, необычным способом, таким, чтобы ничего похожего у других не было. Плотник переложил черепицу наоборот, то есть открытыми

● **НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ**
Творчество наших читателей

СТАРИННЫЙ УЗОР ДЛЯ ВЫШИВКИ КРЕСТОМ

● ДЕЛА ДОМАШНИЕ

- ↘ - красный
- ↙ - темно-красный
- ∨ - коралловый
- ∧ - розовый
- ∇ - бледно-розовый
- △ - зеленый
- ┆ - светло-зеленый
- ▲ - темно-зеленый
- ⊕ - салатовый
- ▴ - светло-салатовый

- ┆ - болотный
- ◁ - бирюзовый
- - коричневый
- - темно-коричневый
- ◁ - светло-коричневый
- - черный
- ∕ - белый
- ∖ - серый
- ⌢ - кремовый
- - желтый

- ◁ - светло-желтый
- ↘ - темно-желтый
- ┆ - синий
- ◁ - темно-синий
- ◁ - голубой
- х - бледно-голубой
- ∇ - фиолетовый
- ▲ - темно-сиреневый
- ↘ - сиреневый
- ◁ - светло-сиреневый

Вышивки по старинным рисункам из коллекции Нины Георгиевны Ключихиной (см. «Наука и жизнь» № 3, 1991 г.) понравились многим читателям журнала. Тем, кто хочет попробовать свои силы в этом руко-

делии, предлагаем схему узора «Ваза с вишней». Схема узора «Сливы» была напечатана в третьем номере журнала за этот год. Узор «Ваза с вишней» хорошо смотрится как на черной, так и на белой материи.

Вышивать лучше нитками мулине в 4 сложения, используя рекомендуемые цвета. Размер крестика — 4x4 или 5x5 нитей полотна.

О технике вышивки крестом журнал «Наука и жизнь» писал в № 6 за 1990 год.

концами к небу. Такого не было ни у кого, люди недоумевали. Купец остался доволен. Но вся вода при дожде, вместо того чтобы стекать на землю, стала затоплять дом.

Тем временем сроки экзаменов приближались. Слова консультанта «а почему бы и нет» не выходили у меня из головы. Мелькнула шальная мысль: а что если действительно поломать голову над этой фантастической идеей? Ведь ее осуществление — это переворот в науке, это масштабно. Я стал мучительно придумывать способы беспарашютного сбрасывания. В голове мелькали всякие невероятные идеи: мощные пружины, гидравлические тормоза и т.д. Но все было нереально. Время уходило, кроме того, о моих исканиях каким-то образом стало известно на факультете, и я стал предметом шуток и насмешек.

Устав от бесплодных попыток что-то изобрести, я решил плюнуть на эту затею и начать спокойно готовиться к экзаменам, как все нормальные люди. От такого решения мне стало как-то спокойнее. Я расслабился, повеселел и именно в этот момент, без всякой связи с предшествующим ходом мыслей, мне вдруг вспомнился случай, в какие-то секунды подсказавший нужное решение. Это было как озарение, как блеск молнии. По-видимому, возможности человеческого мозга до конца не изучены. Возможно, в нем существуют какие-то клетки «быстрого реагирования», и когда основные устают и не справляются, они в последнее мгновение приходят на помощь. Память высветила событие, происшедшее на моих глазах много лет тому назад. К сожалению, это событие было трагическим.

Сейчас, наверное, уже мало осталось свидетелей, видевших весь этот ужас своими глазами. 18 мая 1935 года, солнечным воскресным днем от столкновения с истребителем на поселок «Сокол» в Москве упал огромный восьмимоторный пассажирский самолет «Максим Горький». В этом воздушном гиганте находились передовики производства одного московского предприятия, которых в виде поощрения за трудовые успехи решили покатать в небе над Москвой вместе с членами семей. Все 36 пассажиров и экипаж — 11 человек во главе с командиром — летчиком Журовым — погибли. Погиб и летчик истребителя Брагин. Разваливался этот гигант в воздухе на моих глазах. От него отрывались куски фюзеляжа, крыльев и т.п. Все это рушилось и падало на чудесные сокольские сады и дома. Я и моя сестренка Нина были так

поражены этим страшным зрелищем, что стояли неподвижно, даже не пытались убежать или спрятаться. Основная часть фюзеляжа упала недалеко от нас, развалив дом № 4 по улице Левитана. Истребитель упал на улице Шишкина. Метрах в ста от нас упал и сразу взорвался какой-то белый бак. Вслед за ним падали части металлических конструкции. Было видно, как большой лист алюминия вдруг завис в воздухе, а затем мягко опустился на землю. По-видимому, взметнувшаяся вверх взрывная волна пригормозила падающий лист на подлете к земле. Трагедия в небе над Москвой заслуживает более полного и объективного освещения. Информация об этом происшествии была в 1935 году довольно лаконичной. В ней упор делался не столько на анализ причины трагедии, сколько на меры по организации похорон, на материальную помощь родственникам погибших и т.д. А вот почему опытный летчик Брагин в ясный день, при отличной видимости умудрился врезаться в самолет — осталось до конца неясным. Объяснение того времени, что он, видимо, из лихачества решил на мертвую петлю вокруг, — сомнительно. На высоте 700 метров на скоростном истребителе решиться на такое мог только сумасшедший. Я же продолжу рассказ.

Итак, большой кусок обшивки фюзеляжа весом под 100 килограммов, самортизированный взрывной волной, мягко опустился на землю. Между прочим, подобным образом спасся от гибели известный всем артист Николай Крючков в роли военного летчика Булочкина из кинофильма «Небесный Тихоход». Там тоже взрывная волна от упавшего истребителя погасила скорость падающего без парашюта человека и спасла ему жизнь. Во время войны подобные случаи имели место не только в кино.

Итак, идея была найдена! Встречный поток газовой струи гасил скорость падающих предметов. Теперь требовалось придумать устройство, которое направленным взрывом, а точнее мощной струей взрывной волны, гасило бы скорость сбрасываемых грузовых контейнеров. Эскиз корпуса тормозного приспособления мне удалось вычертить на удивление быстро. Долго пришлось ломать голову над механизмом, который обеспечивал бы взрыв на заданной высоте от поверхности земли. Я решил приспособить для этой цели взрыватель от ружейного гранатомета Дьяконова. Военные со стажем наверное помнят, что до войны на вооружении Красной Армии находи-

лись не только ручные гранаты РГД-33, но еще и ружейные гранаты этого же конструктора. Они представляли собой небольшой снаряд со сквозным отверстием по центру вертикальной оси, который надевался на дульную часть винтовки. При выстреле обычным винтовочным патроном пороховые газы затекали в корпус этого снаряда, поджигали пороховую дорожку капсюля-воспламенителя и одновременно выталкивали гранату на траекторию. В полете, в зависимости от установленной дальности, граната разрывалась.

Однако дело оказалось очень трудным. Я не мог сообразить, как воспламенить капсюль — ведь в гранате эту роль выполняли раскаленные пороховые газы патрона. Неясно было, как стабилизировать в полете падающий грузовой контейнер, и многое другое. Кроме того нужны были некоторые расчеты. Например, мощности взрыва, необходимого для гашения скорости падающего груза, в зависимости от его веса и высоты сброса. Здесь требовался математик, а может быть и другие специалисты. Словом, я приуныл, так как понял, что взялся не за свое дело. Ведь кроме голой идеи у меня, в сущности, ничего не было. Через несколько дней Фрейдин спросил, придумал ли я что-нибудь для улучшения дипломной работы. Я ответил, что выполняю его указание по беспарашютному сбрасыванию грузов, но у меня мало что получается. Когда он ознакомился с идеей реактивного торможения грузовых контейнеров на подлете к земле, то пришел в восторг, заявив: «Это именно то, что надо. Ведь таким способом можно будет десантировать даже людей». От моих сетований на то, что я не специалист, что мне многое еще не ясно, что я не могу составить математические расчеты, он отмахнулся, заявив, что на уровне обычной дипломной работы пятерка будет обеспечена и без математики. Главную цель он видел узко — только в присуждении мне золотой медали. Ни о каком вкладе в науку мы с ним тогда и не мечтали.

Через неделю консультант вручил мне официальное письмо в адрес Научно-исследовательского института парашютно-десантного имущества (оказывается, и такой имелся) с просьбой: «...дать заключение по идее старшего техника — лейтенанта Соловьева В. Ф. о возможности сбрасывания военных грузов с самолетов без парашютов».

Я должен был приложить к этому письму краткое изложение идеи, эскиз тор-

мозного устройства и ехать в Москву. Между прочим появление на свет этого письма было связано с не совсем приятными для меня обстоятельствами. В академии по субботам иногда устраивались вечера танцев под духовой оркестр. Слушателям разрешалось приглашать на них своих жен и знакомых девушек. На один из таких вечеров я пришел со своей приятельницей — артисткой калининского Театра оперетты Сусанной Шигер.

В зале она сразу привлекла к себе внимание. Многие знали ее по сцене в главных ролях, по выступлениям в концертах. Офицеры стали наперебой приглашать Сусанну танцевать и среди них — начальник нашего факультета полковник Черницкий. Это был еще не старый стройный, подтянутый офицер-фронтовик с многими боевыми наградами, внешне очень интересный. Слушатели любили его за честность, исключительную принципиальность, хорошую речь, умение и желание отстаивать законные интересы слушателей. Кажется, его популярность не всем нравилась среди высших руководителей академии. Вечер прошел отлично. Домой мы возвращались втроем — Сусанна, я и вызвавшийся нас проводить полковник Черницкий. Он знал меня хорошо, так как был заядлым болельщиком академической футбольной команды, за которую я играл. Когда мы поравнялись с его домом, он пригласил нас зайти и выпить по бокалу шампанского. Полковник жил один, его жена умерла два года назад. Сусанна отклонила это предложение, сославшись на усталость и позднее время. Однако, предложение поужинать всем завтра в ресторане «Селигер» приняла.

В ресторане все прошло без происшествий. Черницкий был весел, общителен, часто приглашал Сусанну танцевать. Я заметил, что в ресторане было и несколько офицеров из политотдела академии, которые отмечали чей-то день рождения. Через несколько дней, в перерыве между лекциями ко мне подошел дежурный офицер и сказал, что меня вызывает заместитель начальника академии по политической части генерал Фурсов. Штаб академии располагался на набережной Волги, довольно далеко от учебного корпуса. Я отправился туда, совершенно не представляя себе причины вызова. После каких-то туманных фраз о моральном облике коммуниста-руководителя генерал сказал, что, по имеющимся сведениям, полковник Черницкий неправильно ведет себя в быту, использует служебное положение в личных целях и, в частно-

сти, отбивает знакомых девушек у слушателей. Добавил, что на этот счет имеются устные и письменные жалобы. Мне было предложено тоже написать жалобу на то, что Черницкий так поступает и по отношению ко мне. Я ответил, что не знаю ничего про другие случаи, но что касается меня, то это какое-то недоразумение и писать жалобу нет оснований. Ответ генералу явно не понравился. Он долго молчал, курил и барабанил пальцами по столу. Наконец сказал, что готовится письмо в одно научное учреждение с просьбой дать заключение по проблеме, которую я выдвигаю в своей дипломной работе. «Вы там, кажется, изобретаете какие-то парашюты, — сказал он, — только вряд ли это письмо будет подписано. Говорят, что ваша идея — сплошная фантастика». Я с ним согласился, добавив, что эта идея тем более фантастична, что речь идет не о парашютах, а о том, чтобы обходиться без них. Он сразу же заинтересовался подробностями, повеселел. Мы еще немного поговорили, и я ушел с миром.

О моем визите к генералу и состоявшемся разговоре Черницкому стало известно в тот же день. Он горячо поблагодарил меня за поддержку. Однако это не помешало ему в дальнейшем все-таки покорить Сусанну своей неотразимостью. Не скажу, чтобы это известие я воспринял спокойно. С Сусанной мы были знакомы около двух лет, любили друг друга и строили планы — после окончания моей учебы расписаться. Она даже соглашалась оставить сцену, так как я на этом решительно настаивал. Сейчас я благодарю Бога, что все так закончилось. Мое пребывание в академии подходило к концу и после выпуска я навсегда уехал из Калинина, театр оперетты был впоследствии расформирован, а сама академия передислоцировалась в Ленинград. Кажется, Черницкий увез Сусанну с собой. Через несколько лет судьбе угодно было познакомить меня с очаровательным лейтенантом госбезопасности Галей Трофимовой, ставшей моим другом и женой на всю оставшуюся жизнь.

Однако вернемся к заданной теме. Необходимость ехать в Москву меня совсем не устраивала. На носу были экзамены. Кроме того, оказалось, что над проблемами доставки военных грузов работает целый институт специалистов, и уместно ли мне в таких обстоятельствах соваться в ученый мир со своим предложением? Фрейдин стал меня горячо убеждать в том, что официальный ответ из института необходим для придания авторитета

нашей затее, что меня не должно смущать существование парашютно-десантного НИИ. «Пусть они там изобретают свои парашюты, — сказал он. — Ты ведь предлагаешь совсем другое».

Короче, вместо подготовки к государственным экзаменам я впутался в зряшную, как мне показалось, длинную процедуру согласований, доказательств и хождений по кабинетам. На деле все оказалось гораздо проще. В институте вежливый пожилой человек внимательно выслушал меня, прочитал объяснительную записку, посмотрел эскиз и, попросив подождать, вышел из комнаты. Я приготовился к дальнейшим, более обстоятельным объяснениям своей идеи. Но вскоре он вернулся, вручил мне запечатанный конверт, пожал руку и, сказав «желаю успеха, коллега», дал понять, что разговор окончен. Никаких вопросов мне больше задано не было. Я ушел, не понимая, хорошо все это для меня или плохо. По дороге к станции метро «Динамо» вынул конверт. Он был адресован на имя заместителя начальника Академии тыла и снабжения вооруженных сил СССР по научной работе генерал-майора Цуканова Е. Е. Вначале я не решался его вскрыть, но потом в поезде все-таки не утерпел. В конверте находился небольшой листок бумаги со штампом института, где было написано следующее: «Известно, что в Советском Союзе идеей, предложенной т. Соловьевым, занимаются с 1934 года, и дополнительные вклады в эту идею будут способствовать решению проблемы».

Фрейдин ждал моего возвращения с нетерпением и с порога сразу же спросил, успешно ли закончилась поездка. Я ответил, что успешной она была только по ее краткости. Что касается отзыва института, то он какой-то уклончивый и неопределенный. Скорее всего это вежливый отказ, которым мне утерли нос. Когда консультант прочел это письмо, то сразу засиял, потер руки и заявил, что теперь мы с ним на коне. «Готовь дырку для золотой медали», — сказал он, хотя потом добавил, что она на одежде не носится.

Но не зря говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. Золотая медаль мне не досталась, так как экзамен по основам марксизма-ленинизма я сдал на четверку. А произошло следующее. Накануне экзамена, вернувшись в общежитие из класса самоподготовки, я увидел на подушке своей койки телеграмму из Москвы: «Умер отец, приезжай. Мама». Свет померк в моих глазах. Горе обруши-

лось на нашу небольшую семью. Напрочь вылетели из головы экзамены, медали... Перед глазами стоял образ дорогого человека, ушедшего навсегда. В Москву меня отпустили на 3 дня. Сдавать экзамен мне пришлось с другой группой. Я что-то мямлил и удивляюсь, почему мне не поставили двойку. Так неожиданно закончилась моя учеба. Что касается защиты диплома, то проходила она «при закрытых дверях» — в то время с соблюдением режима секретности было строго. Члены государственной экзаменационной комиссии слушали с большим интересом, выставили отличную оценку и на прощанье порекомендовали «пробивать» эту идею дальше. Диплом у меня сразу отобрали, засекретили и сдали в Первый отдел академии. «Пробивать» я ничего не стал. Начались хлопоты с распределением, освоением нового участка работы, пошли будни военной службы, и я забыл про свою идею.

Прошло много времени. Началась эра космических спутников. Многие еще, наверное, помнят, что первым живым существом, побывавшем в космосе, была собака Лайка. Тогда способ возвращения на землю был, видимо, не отработан и собака была обречена на гибель. А вот следующие две собаки Белка и Стрелка благополучно вернулись на землю. Помню, у меня тогда екнуло сердце: я вспомнил дипломный проект.

Второй раз я вспомнил о нем 12 апреля 1961 года в Сочи, когда весь мир облетело сенсационное сообщение о полете в космос с благополучным возвращением на землю Ю. А. Гагарина. Опять мягкая посадка и, теперь уже, человека. Когда моменты приземления спускаемых аппаратов стали показывать по телевидению, стало ясно, что еще задолго до подлета к поверхности земли, раскрывается парашют. У меня в дипломе этот вариант не проходил, так как парашюты с военными грузами расстреливались бы еще в воздухе. Мне очень захотелось встретиться с Гагариным, расспросить его, не столько о полете, сколько об особенностях приземления. Конечно, я понимал, что мечта эта из области фантастики. Однако, судьбе было угодно распорядиться по-другому. И что самое удивительное — эта встреча состоялась через несколько дней в санатории «Сочи». Надо заметить, что Гагарин отдыхал не в этом санатории, поэтому появление его было для всех нас неожиданным.

Как-то вечером, перед началом киносеанса, по залу разнесся слух, что среди нас находится Ю. А. Гагарин. Все заволнова-

лись, начали переглядываться, вытягивать шеи, но его не было видно. Зрители стали требовать, чтобы Гагарин встал и показался всем. Особенно старались женщины. Единодушное скандирование всего зала «Га-га-рин, Га-га-рин» достигло цели. Юрий Алексеевич встал, улыбнулся, затем поднял обе руки вверх и сразу сел. Здесь надо учесть, что в те дни народ не успел еще как следует присмотреться к герою космоса и запечатлеть его зрительный образ в своем сознании. В противном случае Гагарина заметили бы еще задолго до подхода к санаторию. Кинозал в санатории был небольшим. Хотя я сидел не в последнем ряду, тем не менее разглядеть его не смог. Более удобный случай появился, когда он, также неожиданно, пришел к нам в санаторий поиграть в волейбол. Здесь уж мы рассмотрели его как следует. Игра наша, конечно, прекратилась, Гагарина обступили со всех сторон, начались расспросы. Каждый стремился быть поближе к нему. Появились фотоаппараты, защелкали затворы. Кое-кто догадался сбегать и принести фото Гагарина для автографа (его карточки к тому времени уже продавались в киосках Союзпечати). Однако, желающих было много, кроме того, человек пришел все-таки поиграть в волейбол, и мы решили сделать по-другому. Решили собрать со всех, кто хочет, его фото и на следующий день одному из нас отнести их на подпись в его санаторий. Так я стал обладателем фотографии, подписанной космонавтом № 1.

Когда страсти немного поутихли, Гагарин вышел на площадку и сказал: «Ну, что — поехали». Игра возобновилась, я оказался в его команде. Тут надо упомянуть, что Юрий Алексеевич пришел не один (он и в кино был не один). Вместе с ним было еще несколько молодых людей. Позже выяснилось, что это были будущие космонавты, только тогда их еще никто не знал. Во всяком случае, среди них, по-видимому, был космонавт № 2, так как во время игры часто раздавались возгласы: «Гера, бей! Гера, пас!». После игры мне удалось немного поговорить с Гагариным. Я даже набрался смелости сказать, что в 1948 году в дипломной работе предложил способ мягкой посадки. Он заметил, что в решении этой проблемы участвовало много людей. Посоветовал запросить диплом из академии.

На память об этой игре у меня остались две фотографии, запечатлевшие Гагарина на волейбольной площадке.

Впоследствии мы еще несколько раз встречались за бильярдным столом. На

том и расстались. Я решил, что, наверное, так близко уже не увижу его никогда. Но случилось иначе.

Мы встретились еще, на этот раз в приемной министра внутренних дел РСФСР. Было это в 1962 или 1963 году. Я служил тогда в МВД РСФСР начальником секретного отдела. Как-то раз я пришел к министру доложить ему некоторые документы. Оказалось, что он занят. Адьютант — майор Скворцов сказал, что у министра посетитель и попросил подождать. Такое случалось довольно часто. Мы к этому уже привыкли и, как правило, уточняли у Скворцова: «Кто у него?» Спрашивали, чтобы в зависимости от фамилии сообразить, надолго ли зашел человек. На этот раз Скворцов ответил, что «сейчас сами увидите». Я сел в кресло и стал ждать. Минут через десять дверь открылась и из кабинета вышли вместе министр и Гагарин. Я сидел в глубоком мягком кресле прямо против двери и наши взгляды встретились. Юрий Алексеевич сразу узнал меня, подошел, протянул руку. Причем он не только узнал. Он даже вспомнил наш разговор на волейбольной площадке, потому что, пожав

190
руку, шутя спросил, в каком виде находится сейчас моя «мягкая посадка». Я тоже шутя ответил, что она сейчас находится в виде кресла, на котором я только что сидел — мягком и неподвижном. Сравнивая нынешний уровень развития науки и техники с тем, каким он был 40 лет назад, я понимаю, что мои прошлые обоснования идеи беспарашютного сбрасывания грузов сейчас, наверное, вызвали бы улыбку ученых. И тем не менее признаюсь, что очень сожалею, что в 1948 году, на защите дипломной работы, не послушался совета председателя экзаменационной комиссии (это был заместитель начальника тыла Советской армии) «пробивать» свою идею дальше.

Недавно по телевидению в программе «Время» промелькнуло сообщение о том, что на Западе разработан способ сбрасывания десантников с самолетов без парашютов. Память мгновенно высветила мне фразу из далекого прошлого: «Это именно то, что надо. Ведь таким способом можно будет десантировать и людей».

Эта фраза была произнесена 43 года тому назад.

● ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Тренировка умения мыслить логически

ЮБИЛЕЙ В ГОЛЛИВУДЕ

Для показа на фестивале, посвященном юбилею голливудской киностудии «XXII век», было представлено 19 художественных кинолент с участием 11 наиболее прославленных актеров — звезд Голливуда. Подготовительный комитет фестиваля отобрал всего 7 фильмов, главные роли в которых в разных сочетаниях исполняли 7 звезд. Причем кинокартины были выбраны таким образом, что каждая пара актеров из 21 возможного сочетания, появилась в одном из этих фильмов.

Актеры были отобраны из следующего списка: Фред Астрайд, Хэмфри Богарт, Джоан Кроу, Бетти Дэй,

Кэтрин Хэпкорн, Барбара Стрэй, Джеймс Старджон, Спенсер Тричи, Джон Вайл.

А фильмы были представлены такие (после каждого названия следуют инициалы исполнителей главных ролей):

«Коза Ностра» — Д.К., Д.Г., Б.С.

«Высший свет» — Б.Д., Д.Г., К.Х.

«Ступени в никуда» — Х.Б., К.Г., К.Х.

«Звезда джаза» — Х.Б., Д.К., Д.С.

«Милдред Прайс» — К.Г., С.Т., Д.В.

«Абсолютный нупь» — Х.Б., Д.Г., С.Т.

«Король Медведь» — Ф.А., Д.Г., К.Г.

«Редкий дождь» — Б.Д., К.Х., Д.С.

«Сегодня и навсегда» — Д.К., Б.Д., К.Г.

«Госпожа Смерть» — К.Г., Д.С., Д.В.

«Приключения Робина Локсли» — К.Х., Б.С., Д.В.

«Мальтийский крест» — Ф.А., Д.К., С.Т.

«Корабль уходит в полночь» — Б.С., Д.С., С.Т.

«Встречай меня в Сан-Луи» — Б.Д., К.Г., Б.С.

«Напиток странствий» — Ф.А., Х.Б., Б.Д.

«Песни прерий» — Ф.А., Д.К., К.Х.

«Мартин-охотник» — Б.Д., С.Т., Д.В.

«Лучшие годы нашей жизни» — Ф.А., Х.Б., Б.С.

«Двойное алиби» — Ф.А., Д.Г., Д.С.

Какие же семь фильмов были отобраны для фестиваля?

По материалам журнала «Нью сайентист» (Англия)

Известно, что сильные землетрясения, происходящие в соседних очаговых зонах, связаны между собой, но связь эта может проявиться через несколько лет, а может — через десятки тысяч лет. Быструю же связь между удаленными землетрясениями, проявляющуюся через дни или недели, специалисты не признают, поскольку наведенная сейсмичность выглядит не столь уж активной. Тем не менее ученые Института физики Земли исследовали влияние глубоких землетрясений Памира-Гиндукуша на такие же сейсмические события на Кавказе, в Средней Азии и сопредельных районах.

И выяснилось, что связь между «инициаторами» и «последователями» все-таки есть: через 6—10 дней (в этот интервал) после сильных землетрясений на Памире-Гиндукуше сейсмичность в остальной зоне

усиливалась, причем ответные события происходили с вероятностью 0,9 и выше.

Сильные землетрясения, делают вывод исследователи, образуют своеобразный социум, охватывающий огромную территорию и быстро реагирующий на сейсмические события. Каждое из них, отвечает на инициативу предшественников и вносит свой вклад в дальнейшее развитие «общего дела». Конечно, не каждая «инициатива» вызывает равный по силе ответ, но она может стать решающей, если придется на заключительную фазу подготовки предстоящего подземного удара.

А. НИКОЛАЕВ, Г. ВЕРЕЩАГИНА. Об иницировании землетрясений землетрясениями. «Доклады АН СССР», 1991, том 318, № 2.

КЛЕТОЧНЫЙ КЛЕЙ ДЛЯ ПЛАСТИКА

Отходы переработки древесины регулярно используются для производства строительных и отделочных материалов — таких, например, как всем известные древесно-стружечные плиты или некоторые виды пластиков. Правда, в этом производстве немалую роль играет «химия» (для изготовления древесно-стружечных плит, в частности, необходимо связующее вещество, проще говоря, клей), а из-за этого нередко возникают коллизии экологического характера.

Дальневосточные специалисты строительной индустрии из тех же отходов деревообработки наладили выпуск экологически чистого пластика. Сырьем служат практически любые отходы, в том числе опилки, кора, щепа, даже куски древесины с гнилью.

Любопытная деталь: в отличие от древесно-стружечных плит новый пластик выпускается без связующего. Точнее, эту роль

выполняет лигнин, который содержится в стенках клеток древесины. Это вещество в принципе используют как связующее, но после специальной подготовки. А в данном случае «ковер» из дробленой древесной массы уплотняют давлением в 20—25 мегапаскалей и прессуют при температуре 170—180°C. В таких условиях клеточные стенки разрушаются, высвобождают свой «клей», и он основательно скрепляет древесную массу. Полученный в итоге лигноуглеводный пластик достаточно прочен, чтобы служить материалом для встроенной мебели, внутренней отделки стен и покрытия полов.

Ю. ПЛЯСКИН. Производство древесного лигноуглеводного пластика. «Строительные материалы», № 6, 1991.

КОМУ ОПАСНЕЕ СТРЕССЫ?

Не ново, что женщины в среднем живут дольше мужчин. Но в наши дни этот разрыв все увеличивается и принимает драматический оттенок, поскольку это несоответствие может иметь демографические последствия. Специальные исследования выявили определенные половые различия в реагирова-

Прежде, когда жизнь была спокойнее, эти различия не очень были заметны. Нынче же стрессы сыплются на нас со всех сторон, и в этих условиях женский организм оказался более стойким.

Так, на производстве работницы острее реагируют на различные неполадки, однако

⊗ Вставка, которая мне только что пришла в голову.

191

Впоследствии это сочинение, каким-то образом, оказалось у нас в классе. Называлось оно: „и нагрел коммунизм“, в нем скамейкин, как бы уже находясь в наступившей эпохе светлого будущего, красочно описывал свою райскую жизнь. Всё в ней сияло и впечатляло: повсюду полное изобилие, всё бесплатно, всё по-потребности, и, даже, если нет способностей — можно не работать.

Ребята были в восторге, особенно Тишкин. Стало ясно, что по сравнению с этой грандиозной темой, зовущей людей на трудовые подвиги во имя скорейшего приближения светлого будущего, моя „Трамвайная остановка“ выглядела какой-то мсалкой и совершенно не мобилизующей.

По-существу, кроме как на стадион „Финляндия“, она нигде трудящихся не звала“, (далее по тексту).

Чтобы читатель лучше представил себе положение, в котором я оказался через несколько минут, позволю себе сделать небольшое отступление. Напомню - 1942 год. Немцы еще недалеко от столицы. В городе особое положение, светомаскировка, патрули, проверка документов. На стенах домов расклеены листовки с призывами к бдительности, разоблачению шпионов и диверсантов. В то время диверсантов и провокаторов, застигнутых на месте преступления, комендантские патрули нередко тут же и расстреливали. Разбираться и выяснять было некогда - шла война.

И вот представьте себе такую картину. В здание Наркомата госбезопасности входит военный с небольшим чемоданчиком, а в нем граната с детонатором. Черт меня дернул взять с собой этот взрыватель. Помню, я еще колебался, даже советовался с командиром полка. Мы тогда решили, что я все-таки возьму ее на тот случай, если высокое начальство захочет посмотреть гранату в действии. Вообще-то показать ее в действии было несложно, так как вез я ее в Москву без взрывчатки. Продемонстрировать, как сработает детонатор, можно было в любом подвале, во дворе и т.п.

Итак, я вошел в подъезд знаменитого дома на Лубянке и предъявил пропуск. Часовой спросил, что у меня в чемодане. Спросил спокойным будничным тоном, но я от этого вопроса похолодел. Молнией мелькнула мысль — пропал! Сейчас меня схватят, как террориста. От неожиданности, я растерялся и пробормотал что-то маловразумительное. Тогда меня попросили открыть чемодан. В чемодане лежала граната с взрывателем, завернутая в полотенце (я завернул ее для того, чтобы она не перекатывалась в чемодане). Дальнейшее происходило, как в тумане. Помню, что я очутился в комнате с решеткой на окне. Меня тщательно обыскали, отобрали все что при мне находилось. Минут через 10 пришел лейтенант госбезопасности и прямо с порога громко спросил: «Для кого предназначалась граната?». Я был так ошеломлен происшедшим, что не мог ничего лучшего придумать, как сказать, что для замнаркома. Ответ мой, кажется, понравился. Он означал что комендантская служба в данной ситуации, оказалась на высоте — задержала террориста при попытке проникнуть в режимное здание.

Лейтенант ушел, а я сидел и гадал — сразу меня расстреляют, или будет хоть какое-то разбирательство. Не могу до сих пор понять, почему я сразу не объяснил, что иду по вызову, что меня ждут именно с этой гранатой, что это мое изобретение и т.п. Наверное, мысли мои так перепутались, что оптимальный ответ в нужный момент не нашелся. Положение усугублялось еще и

тем, что мой отец и мой дядя перед войной были арестованы. Это можно было установить очень быстро.

Вскоре пришли два конвоира и повели меня куда-то по длинному коридору. Один шел впереди, второй сзади, а я между ними с сомкнутыми за спиной руками. Но сейчас еще одно отступление. Известно, что перед войной по инициативе Берия была искусственно создана картина о большом и глубоком заговоре среди военных. Чтобы придать достоверность этой картине, требовалось «выявить» большое количество заговорщиков. Было казнено много ни в чем не повинных, преданных Родине командиров и политработников. В такой ситуации шансов на спасение не было. Не выходил у меня из головы и запал. Как я объясню его присутствие в корпусе гранаты? Ведь такая граната, даже без тротила, может нанести серьезное увечье человеку.

С такими мрачными мыслями, опустив голову, шел я по коридору, зная, что только чудо может мне сейчас помочь. И это чудо произошло. Навстречу нам в расстегнутой шинели быстрым шагом шел генерал-майор Любый. Он остановил конвой, показал свое удостоверение и сказал, что замнаркома Аполлонов приказал воентехника 2 ранга Соловьева не задерживать, так как он сам его вызвал к себе. Граната предназначена для показа ему лично.

Я стоял ошеломленный, со слезами радости на глазах. Мне хотелось расцеловать моего спасителя-генерала, даже конвоиных, так я был счастлив.

Но оказалось, что конвоиров целовать было рано. Они заупрямились, стали ссылаться на какую-то инструкцию и т.д. Один из них подошел к телефону, укрепленному прямо на стене коридора и доложил кому-то о происшедшем. На том конце провода что-то долго говорили, но генерал, не дождавшись, взял трубку и сам стал объяснять ситуацию.

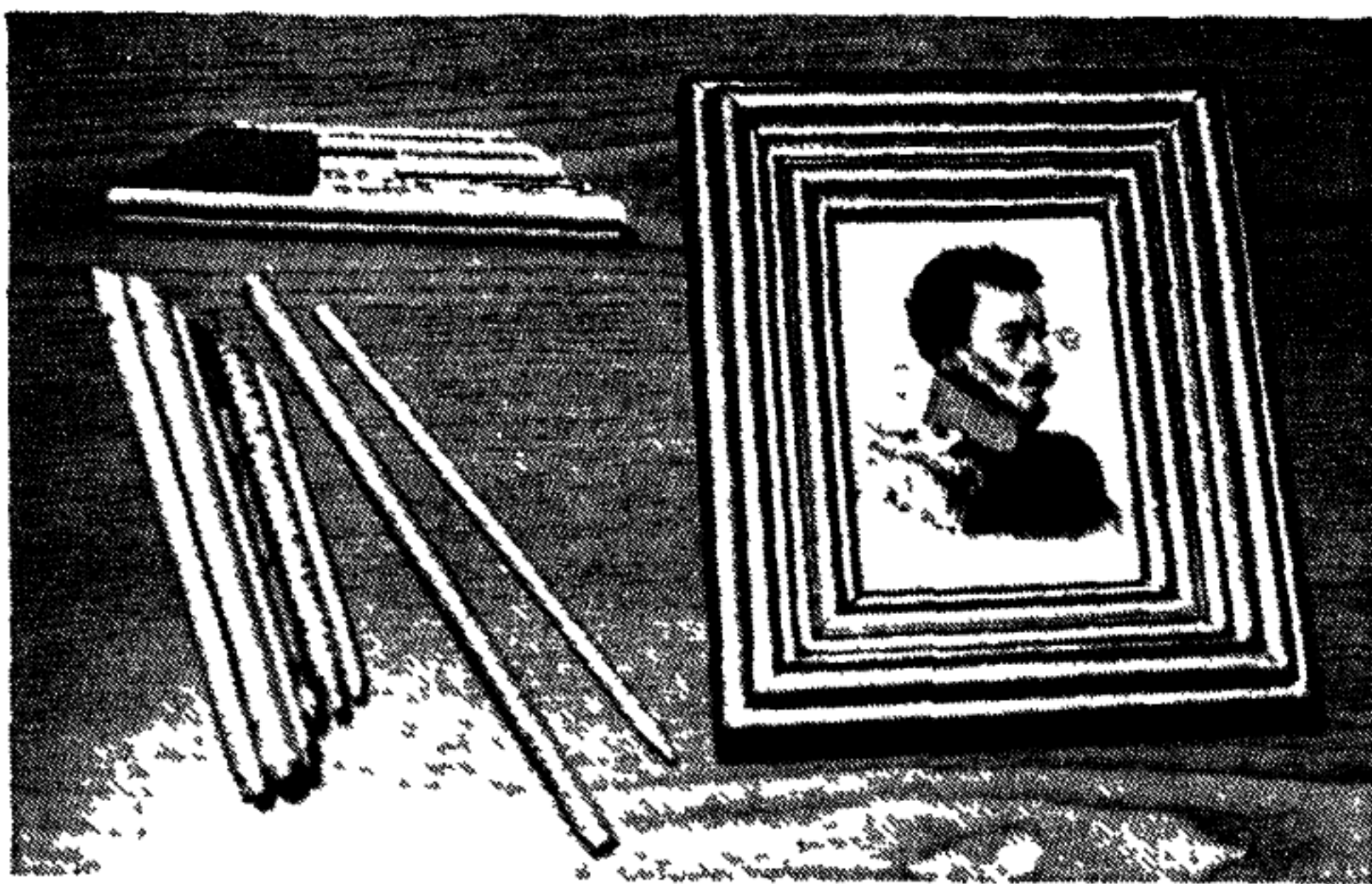
Затаив дыхание, пытался я сообразить, что говорят ему в ответ. Генерал стал нервничать, сказал, что взрыватель тоже берет на себя и что никакого расследования проводить не требуется. Я был спасен.

Дальнейшее уже не столь интересно. Граната на вооружение принята не была, так как не прошла полигонных испытаний. Потом я узнал, что более удачно проявила себя граната, изобретенная воентехником Мешалкиным.

Так я во второй раз не состоялся, как лауреат. В первом случае меня опередил Скамейкин, во втором — Мешалкин.

В дальнейшем генерал меня не забыл. По его инициативе я был отозван в Москву и зачислен на учебу в Военную Академию. Учился я хорошо, и в 1948 году на отлично защитил дипломный проект...

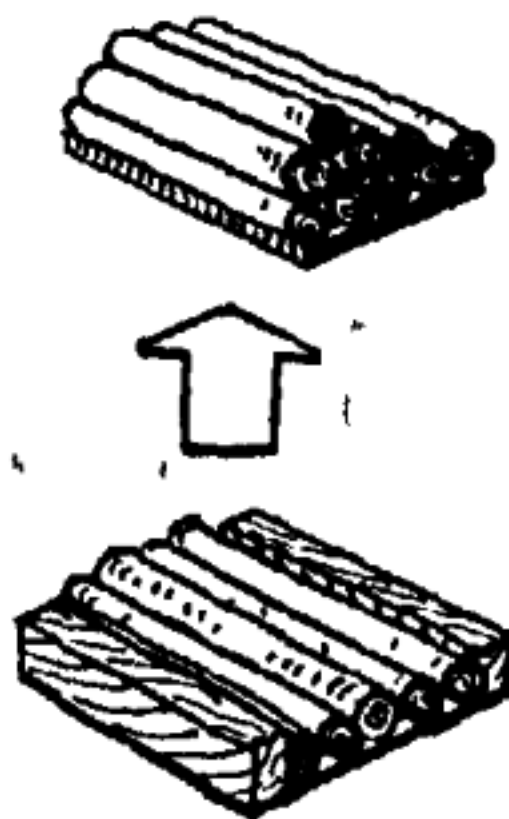
БАГЕТ ИЗ ГАЗЕТ

Багетную планку я не видел в продаже уже лет тридцать. Единственная возможность вставить в рамку картину или фотографию — обратиться в багетную мастерскую, да ведь и там очередь...

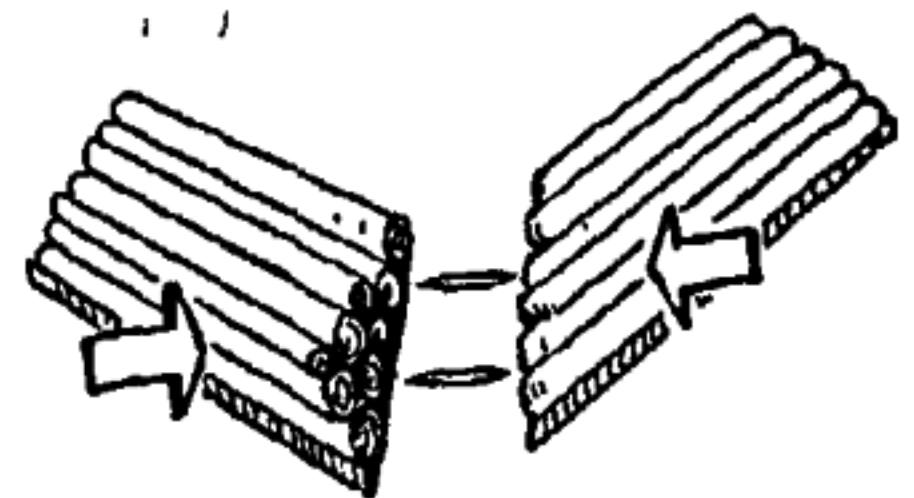
Между тем, если немного потрудиться, рамку необходимых размеров можно изготовить самостоятельно. Причем, вам не понадобятся ни деревянные заготовки, ни инструменты столяра. Рамку — такую, каких в магазинах вообще не продается — красивую, легкую, можно сделать из старых газет. Размер ее ограничивается лишь шириной газетного листа. Впрочем, если понадобится рамка больших габаритов, можно использовать старые географические карты, плакаты и так далее.

Работа над рамкой начинается с того, что из газет-

ного листа скручиваются палочки-заготовки. Длину их выбирают в зависимости от размеров картины, с запасом по два сантиметра с каждой стороны. Скручивать палочки нужно строго параллельно краю листа, не допуская винтообразности, как можно плотнее и закрепить «шов» клеем. Если ваша рамка будет состоять из нескольких поясов различной толщины, вам потребуется, соответственно, по четыре заготовки одинаковой толщины для каждого пояса.

Когда заготовки просохнут, склеиваем их между собой клеем ПВА или столярным. Лучше всего поступить так: сложить заготовки на ровной поверхности, слегка прижав их друг к другу меж двух плоскостей, реек или планок; затем промазать сверху кисточкой с клеем. После того, как клей высохнет, аккуратно перевернем блок и смажем его клеем с другой стороны. Окончательный профиль придаем блоку, подклеивая с его изнаночной стороны палочки-заготовки требуемой толщины, формируя «посадочное место» для картины.

После этого каждый склеенный блок необходимо обрезать с двух сторон строго под углом 45 градусов, из блоков складывается и склеивается рамка. Для прочности блоки скрепляются между собой на деревянных шпильках (отверстия для них проделываются шилом), а после соединения обратная сторона рамки оклеивается картоном.

В завершение работы предстоит окончательно прошпаклевать рамку, устраняя щели и дефекты. Шпаклевку для этого проще всего приготовить самостоятельно из мелко просеянных опилок и клея. Затем, после очередной просушки рамка для защиты от атмосферной влаги покрывается с обеих сторон клеем и окрашивается.

Вставленная в рамку фотография или картина закрепляется мелкими гвоздиками, которые можно просто вдавить в намеченные шилом отверстия.

Окрашенная, например, в бронзовый цвет, рамка будет прекрасно смотреться на стене вашей квартиры. Убедить ваших гостей в том, что она сделана из обыкновенных старых газет будет очень трудно.

И. ПОТАПОВ
(г. Уссурийск)

